

РУСИФИКАЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

К. Р. Дзалаева

В статье рассматривается проблема русификации народов Северного Кавказа в процессе их интеграции в российское государственное пространство во второй половине XIX – начале XX вв. В центре внимания оказывается интеграционная политика Российской империи, направленная на формирование единой социально-культурной, экономической, политической общероссийской идентичности и утверждение российской государственности в северокавказском регионе. На основе изучения ряда работ разных авторов предпринимается краткий анализ содержания понятия «русификация», определяются основные факторы, векторы и показатели эффективности русификаторской деятельности властей. Определено, что важнейшим механизмом на пути русификации северокавказских горцев стала колонизация, которую Российская империя расценивала как наиболее эффективный способ утверждения своего присутствия в крае. Процесс заселения северокавказской территории казачеством и переселенцами из внутренних губерний России выступил не только условием, но и важным фактором русификации региона. Регулируя наполнение Северного Кавказа «русским элементом», государство строило большие ожидания относительно русифицирующего влияния поселенцев, способных оказать культурное и идеологическое воздействие на местное население. Предполагалось, что, вступая во взаимодействие с русскими мигрантами, народы Северного Кавказа смогут увидеть для себя определенную практическую ценность такого взаимодействия и проявят интерес к «русской культуре» и «русской модели» общественного устройства с единым государственным центром. Установлено, что мощный русифицирующий потенциал содержали русский язык, образовательные и культурные учреждения, формирующие благоприятную для аккультурации северокавказского населения своеобразную культурно-историческую среду. Проведенное исследование позволило заключить, что интеграционная политика Российской империи, основанная на идее русификации, способствовала мощному цивилизационному импульсу в развитии экономической, социально-политической и культурной сферах жизнедеятельности северокавказских народов и ускорила их успешное интегрирование в полиэтничный российский социум.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, интеграционная политика, русификация, колонизация, русский язык, учреждения культуры.

Ко второй половине XIX в. Российская империя подошла с целым комплексом социально-экономических и внутривнутриполитических проблем, актуализировавших необходимость значимых преобразований всех сфер жизнедеятельности российского социума. Вступив на путь модернизации, страна начала претерпевать глобальное реформирование, ориентированное на создание благоприятных условий для экономического роста, преодоление социально-эко-

номической отсталости. Начавшийся промышленный переворот требовал пересмотра основ внутренней политики. Знаковым шагом стала отмена в 1861 г. крепостного права, послужившая мощным импульсом внутренней миграции крестьянского населения. Стратегически значимым достижением в исследуемый период стало завершение в 1864 г. Кавказской войны. Инкорпорирование северокавказской окраины требовало особого внимания к выработке

новой концепции по ее освоению. В основу государственной интеграционной политики легла идея русификации региона, имевшая в своей основе положительный исторический опыт, накопленный в процессе включения других народов и населяемых ими территорий в состав российского государства. Ее содержание не раз становилось предметом дискуссий у современников; общественный интерес и научная актуальность этих споров и размышлений не ослабли и в наши дни.

Так, в обзорной статье о некоторых аспектах «обрусения», имевших место в XVI-XVII вв. и в конце XIX в. [1], И. Н. Смирнов указывал, что такой опыт исчисляется веками, в течение которых Россия вышла из этнографических пределов славяно-русской народности, включив в себя целый ряд племен, отличающихся от нее физическим типом, языком, религией, «строим» культуры; что под одной государственной властью с русскими оказались финны Волжского бассейна и Сибири, черемисы, вотяки, остяки, башкиры, татары, калмыки, буряты, якуты, кочевое население Заволжских степей и «живой колоссальный этнографический музей, представляемый Кавказом» [1, 752]. Автор призывает опираться на исторический опыт «сожительства русских с инородцами» [1, 753]. К признакам обрусения Смирнов относит распространение русского языка, усвоение женщинами русского костюма, появление смешанных браков; к условиям обрусения – соприкосновение инородцев с русскими в быту, усиленный приток русского населения и раздробление инородческих территорий русскими деревнями, появление на инородческих территориях какого-либо «русского производства» – заводов, фабрик и т.д., которые выступают в качестве «обрусительных центров». Смирнов акцентирует внимание на том, что обрусение инородцев является нормальным результатом истории и выступает прямой задачей правительства, а противодействие обрусению означает борьбу с самой жиз-

нью, с ходом истории, в то время как степень обрусения непосредственно связана с размерами русской колонизации в крае [1, 763]. Он говорит о том, что дело обрусения «инородческого племени» можно считать обеспеченным, если ежегодно направлять тысячи переселенцев, покидающих внутренние области России, не в Сибирь, а на Северный Кавказ, вклинивая их деревни в массы компактно проживающего инородческого населения, разрывая его на отдельные острова и систематически пополняя эти колонизационные кадры притоком новых поселенцев.

Следующим русифицирующим фактором северокавказских территорий, по его мнению, выступает тандем «школа-религия»: стоит сделать иноверца христианином, как он сам добровольно делается русским. При этом задачей инородческой школы должно стать разъяснение инородцам на их родном языке догматов христианства и сущности «русской» веры, что позволило бы отгородить их «стеной» от национально-языческого прошлого и устремить к христианско-русскому будущему. «Руссковер-инородец» во всем будет стараться «уподобиться русскому», как устраивая дом на русский манер, так и усваивая русские «житейские порядки». Школа же будет активно способствовать русификации, распространению среди инородцев русского языка и грамоты, вызывая в их среде желание учиться «по-русски», а с привитием русского языка и интереса к «русскому» образованию в инородческой среде начнет пробуждаться любовь к русскому народу. Таким образом, автор приходит к выводу, что наиболее успешными и исторически оправданными средствами по достижению целей русификации являются русская колонизация и школа со смешанным языком преподавания [1, 765].

Рассуждая о термине «русификация», Л. А. Тихомиров в своих работах (см., например: [2]) делает акцент на его культурно-религиозной составляющей: если русское государство и русифицировало

множество племен, то исключительно посредством проповеди православного быта, примером жизни русских поселений и подвижнической жизни в монастырях, за которыми он признает огромное русифицирующее значение. Лучшим пособием миссионерской деятельности он считает колониционное движение [2, 930]. Российскую власть Тихомиров наделяет некой высокой миссией подневольной носительницы известного долга, полагая, что русский самодержец представляет идею высшей божественной правды, которая не только охраняет интересы русских, но даже санкционирует их господство, владычество над нерусскими элементами империи. Он считает, что поддержание внутреннего национального русского господства обязывает государство «охранять и всякую другую вверенную ему Богом народность во всех случаях, когда та имеет за себя правду» [2, 931]. Тихомиров убежден, что право инородческого племени на национальное существование обусловлено целым рядом исторических и бытовых условий. В том случае, когда в нем отсутствует национальное самосознание, государство обязано всеми силами поддерживать его национальное обрусение. При наличии у присоединяемого племени национального самосознания государство вправе применять к нему тактику национальной русификации только в случае чем-либо обусловленного стремления наказать или покарать. Более того, Тихомиров призывает к разграничению русификации государственной и национальной. За государственной русификацией он признает безоговорочный приоритет и обязательность, указывая на то, что государственная власть вправе требовать от всякого подданного, независимо от природы этого подданства, верной службы и поддержки, знание официального государственного языка. Под русификацией национальной Тихомиров подразумевает свободное присоединение к вере русского народа, его образу мыслей и быту, однако в отношении провинций, присоединенных

к Российской империи «силой оружия или трактатами», он оставляет за государством право «в случае их упорного посягательства» на российские интересы подвергнуть их уничтожению [2, 933].

Идея о цивилизаторской миссии Российской империи на Кавказе имела много сторонников. Российская общественность, расценивая Россию как носителя европейских ценностей, возлагала на нее миссию их продвижения на Восток в массы непросвещенных народов, ставя задачу: «озарив светом христианства, блестящими красками представить им весь ужас их положения, и те бесчисленные выгоды гражданственности, которые ожидают их, когда они добровольно покорятся могущественной России...» [3, 80] Выразителем этой концепции был и В. А. Сологуб, который в одной из своих работ указывал на то, что российское владычество на Кавказе является не завоеванием, а крестом, который носит Россия подобно Хевсуру, «не ради хлеба и одежды, а ради священных верований...» [3, 90]

Процессы русификации народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начала XX в. изучаются и современными исследователями. Глубокий анализ данной проблемы, проведенный в ряде работ Е. И. Кобахидзе, позволил автору определить значение переселенческой политики России в процессах русификации Северного Кавказа в позднеимперский период, выявить особенности и итоги переселенческих процессов. Так, автор замечает, что с помощью внутренней колонизации Россия укрепляла свои позиции на северокавказской окраине, «включив ее территорию в свои внутренние пределы в административном и социокультурном отношении» [4, 45]. В связи с этим термин «колонизация» в большой степени связывался с искусственным регулированием миграционных потоков, а термин «русификация» – с процессом социокультурного интегрирования территории Северного Кавказа в Российскую империю.

Регулируя переселенческую политику, направляя свои усилия на заселение региона «русским элементом» в короткие сроки, государство связывало свои надежды с «русифицирующим потенциалом» переселенцев из российской глубинки, которые должны были также оказать определенное нравственно-идеологическое и культурное воздействие на местных жителей [4, 47].

С 1880-х гг. термином «русификация» преимущественно стали обозначать процессы «формирования культурно-языкового единства при доминировании языка и культуры русского населения, рассматриваемой в качестве основы общеимперской наднациональной идентичности» [5, 74]. Кобахидзе приводит всеподданнейшую записку главноначальствующего гражданской частью на Кавказе С. А. Шереметева, в которой указывается, что в виду численного превосходства русской народности и широкого распространения русского языка среди кавказских племен «большая часть Северного Кавказа стала мало чем отличаться от многих коренных частей империи» [4, 54]. Концептуально колониционная политика была направлена на решение проблем распространения идеи гражданственности, реализацию курса на единство и неделимость российского государства с единым политическим ядром, окруженным окраинами, формирования «большой русской нации как политической целостности» [4, 54].

В стремлении утвердить собственное присутствие на Северном Кавказе и связать вновь приобретенную периферию с центром, Российская империя рассматривала колонизаторскую стратегию как одно из средств утверждения своего владычества в регионе, стараясь превратить переселенцев, большую часть из которых составляли казаки, в опору своей завоевательной политики [6, 178]. Еще в 1830 г. в рапорте генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу от 21 августа генерал-майор И. Н. Абхазов, возглавивший карательные отряды в Северной Осетии, направленные на подавление и насильственное подчинение не-

покорных горцев, призывал «...селить их вместе с русскими казаками, приписывая четвертую часть горцев в отношении российских казаков, и заставить их непременно вступать в брачные союзы с русскими, через что, в скором времени, они сольются в один народ...» [7, 358]

С самого начала покорения Кавказа казачество рассматривалось в качестве форпоста. Обороняя и сохраняя государственную, территориальную и цивилизационную целостность России, казаки выступали как первооткрыватели и покорители провинций, прокладывая дорогу основному компоненту российского социума, способствуя вплетанию новых народов и культур в «плоть и кровь русской нации» [8, 36]. Возводились линии укрепленных оборонительных пунктов, наделенных административными и фискальными функциями. Для их связи между собой и с «коренным ядром государства» по важнейшим трактам устраивались ямские поселения, а чтобы снабдить их провиантом и необходимыми предметами потребления, правительство способствовало водворению на приграничных территориях крестьян, которым предоставлялись некоторые льготы и пособия, давалась в пользование земля взамен на обязанность поставлять в казну оговоренное количество продуктов [9, 11]. Бытовало убеждение, что возникновение русских поселений среди горцев будет способствовать скорейшему умиротворению края. И если в дореформенный период предпочтение отдавалось казачьим поселениям и «военной колонизации», то уже в начале 60 гг. XIX в. было дано добро гражданской колонизации.

В одном из отчетов заведующего Кавказским переселенческим комитетом в числе основных целей, которые ставились правительством в процессе переселения русского крестьянства на кавказские территории, указывается прежде всего «усиление в крае русского элемента» [10, 143]. В целом правительство одобряло идею частичного переселения на Северный Кавказ

жителей внутренних российских губерний, подразумевая, что этот шаг будет эффективным в деле приобщения местного населения к мирному земледелию, а также надеясь, что «в смеси с русским населением туземцы скорее забудут свое обособление от русских и взаимную вражду» [11, 9].

Первым законодательным актом, выражающим государственную волю в отношении внутренних миграций на Кавказ, стало Положение от 10 мая 1862 г. о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. Согласно общим основаниям документа, «с целью окончательного покорения горских племен, остающихся... враждебными», предписывалось занимать казачьими станицами предгорья западной части Кавказского хребта; границы пространства, отводимого под новые поселения Кубанского войска, обозначить к югу и западу гребнем главного Кавказского хребта, верховьем Малой Лабы до истоков реки Пшиша, а далее берегом Черного моря, от устья реки Мокупсе до устья реки Кубани; к северу низовья рек Кубани и Адагума, дальше прямая линия от Адагумского укрепления до Дмитриевского, а от него до реки Большая Лаба напротив станицы Родниковской, к восточной части рек Большая и Малая Лаба. Таким образом, территория, заключавшая в себе порядка 1360000 десятин удобной для занятия казачьими станицами земли, требовала для заселения прибытия 17000 семейств [12, 406]. Доставить главную часть переселенцев было поручено Кубанскому войску – 162 офицерских семейства, 12400 простых казаков, а также дополнительно 8 офицерских семейств от Азовского казачьего войска, оттуда же 800 простых казаков, от Войска Донского 1200 и 2000 государственных крестьян и 600 от женатых нижних чинов Кавказской армии [13, 246]. На заселение отводилось шесть лет. Министерство государственных имуществ ежегодно

должно было направлять от 300 до 500 государственных крестьянских семейств, которым по прибытии назначались пособия и от казны, и от войска [12, 412]. Для всех переселенцев от земства бесплатно отводились квартиры, пастбищные места и наряд подвод под своз заболевших, а также предоставлялась возможность лечения в попутных госпиталях, лазаретах и больницах за казенный счет, право бесплатного перевоза через реки и освобождение от шоссейного сбора [12, 412]. Также Положением предусматривалось выделение по 10000 рублей на устройство в новых станицах 50 церквей с отпуском половины всей суммы из казенных денег и половины из денег Кубанского казачьего войска [12, 414]. Еще больше стимулировал переселенческий процесс закон от 29 апреля 1868 г., который позволял не только селиться на казачьих землях, но и приобретать их в собственность лицам невоинского сословия. За тридцать лет, с конца 1867 по январь 1897 г., из общего прироста населения в 23949000 человек на переселенцев приходилось 1586800 человек, и к началу 90-х гг. XIX в. переселение на Северный Кавказ приняло преимущественно самовольный характер, переполнение региона иногородними достигает своего апогея [14, 331].

В результате на равнинных территориях Кавказа сотнями стали появляться новые населенные пункты. Такое перенаселение Северного Кавказа приводило к бедственному положению переселившихся крестьян. Миграции крестьян из внутренних областей России в казачьи станицы продолжались на протяжении второй половины XIX в. Массовое переселение русского крестьянства на Северный Кавказ было вызвано развитием капиталистических отношений в деревне, малоземельем, растущей социальной дифференциацией и нищетой: «...гонят безземелье, малоземелье и теснота в выпасах, а также недостаток в местных заработках, а более всего – недостаток в земле. Наем земли дорог и негде

ее достать: за два года вперед уплачивают деньги, а сборы хлебов плохие» [15, 4].

Власть, расценивая переселение как средство предотвращения крестьянских волнений в центральных российских губерниях, никак им не препятствовала. Делалась ставка на то, что русские будут служить опорой местной администрации, рассчитывающей, чтобы «не десятки, а сотни тысяч русских сели крепко казачьими поселениями среди обезоруженных туземцев, не только по Кубани и Тереку, но и по всем уголкам края» [16, 233]. Министерство внутренних дел и Министерство земледелия и государственных имуществ в 1896 г. рекомендовали кавказской администрации развивать заселение края русскими людьми «в общих интересах государства» [17, 41]. Однако на деле правительственные обещания о содействии переселенцам довольно часто оставались обещаниями.

Основные потоки переселенцев направлялись из наиболее перенаселенных областей Центральной России – Полтавской, Черниговской, Харьковской, Воронежской, Курской, Пензенской, Тульской, Орловской, Смоленской и Псковской губерний [18, 189]. Как правило, переселенцы поселялись на территории казачьих владений в качестве квартирантов или домовладельцев, отправляясь в станицы на летние заработки, пополняя ряды иногородних. В 1886 г. они получили право арендовать в казачьих станицах усадебные постройки и пасти домашний скот на общественных лугах, облагаясь посаженным налогом. Однако чаще всего на практике это право ограничивалось, и переселенцы могли пасти не весь скот, а лишь его часть, устанавливаемую на станичном сходе, куда их допускали в исключительных случаях. Как правило, под их нужды выделялись самые плохие общинные угодья. За определенную плату это право состоятельные переселенцы могли купить. Иногородние обязаны были исполнять все натуральные повинности наравне с казаками [19, 128]. Местные же чиновники, как правило, «поддержива-

ли несправедливость казаков и исполняли их прихотливые желания» [6, 175].

Поток мигрантов увеличивался ежегодно. Так, каждую весну через город Владикавказ проходили массы этих страждущих, зачастую не имеющих средств не только для дальнейшего следования, но и для ночлега или пропитания, «угнетенные, изможденные горем, нуждой и долгими лишениями, шедшие наудачу русские простолюдины с протянутой рукой о помощи...» [20, 22]

Выдающийся северокавказский просветитель, философ, публицист и общественный деятель второй половины XIX – начала XX в. А. А. Гассиев, характеризуя этот процесс, в одной из своих публикаций писал: «Русские крестьяне большей частью у нас бродят и нищенствуют, нигде не могут осесть. В последние 20 лет газеты часто сообщали о хождениях и злключениях русского старого люда. В кавказских городах и крупных местечках он, покоритель, известен более в роли Христа ради просящего, чем колонизатора. Есть земля, да господская, надо-ть ее купить, а где деньги, хлеба не на что купить. Когда на улицах и переулках видишь этих истощенных, пожелтевших и позеленевших переселенцев с детьми, пессимистически думаешь, что славой сыт не будешь!» [21, 70б.] В другой публикации, описывая общее состояние социально-экономического положения автохтонного населения Северного Кавказа и казаков, этот же автор отмечал, что земельные наделы горского населения в 5-20 раз меньше казачьих наделов, а земельное положение массы горского населения Терской области представляет печальную картину. Казакам, численность которых к 1 января 1907 г. составила 210266 душ, было даровано из 4742280 десятин удобных земель и 980555 десятин леса Терской области всего 2904700 десятин, в то время как на долю 551729 душ горского населения приходится земли почти втрое меньше того количества, каким владеют 210266 обоего пола казаков. Вследствие такого распределения земель области в казачьих станицах, при

самом небрежном ведении хозяйства, при обработке только 1/3-1/2 надела, годовой доход от земледелия не только покрывает все расходы казачьей семьи, но и дает излишек. Горские общества, напротив, имеют дефицит. Кроме станичных наделов казаки владели еще запасными землями, нефтеносными участками, рыбными ловлями в Каспийском море, озерах и реках и другими источниками доходов, что ежегодно приносило им миллионные доходы [22, 8].

Все перечисленные льготы казаков венчались дарованием им права полной собственности на занятые земли. Будучи не в состоянии полностью обрабатывать отведенные им громадные наделы, казаки третью их часть сдавали в аренду, а сами вели «хозяйство на остальной части кое-как, делаясь, при этом, склонными к праздности и гульбе, тысячами наполняя разные учреждения края, прельщаясь легкой службой и властью» [22, 10].

Интеграция Северного Кавказа в состав Российской империи требовала его социально-культурной унификации с общероссийскими нормами. Оказывая переселенцам содействие в приобретении земель для прочных поселений, государство полагало, что приток на свободные территории крестьян из внутренних губерний России и в особенности «появление их крупными благоустроенными селами, с церквями, школами, торговлей и промышленностью, несомненно, ускорит умиротворение области посредством развития в ней русской культуры и гражданственности» [23, 34]. Взаимодействие русской и северокавказской культур заложило начало формирования единой социокультурной общности народов, системообразующим компонентом которой выступила русская культура в широком ее смысле – как поле межэтнического общения, проводник достижений мировой культуры, фактор урбанизационных процессов и знаковых трансформаций в традиционных северокавказских обществах.

Великий князь Михаил Николаевич во всеподданнейшей записке, представленной

императору 7 января 1869 г., выразил мнение о том, что Кавказ покорен и спокоен, но покорение это только материальное, вследствие чего не внушает полной уверенности. Чтобы его упрочить, необходимо покорение духовное, возможное лишь в случае сокращения расстояний, отдаляющих кавказскую территорию от империи. Для этого требовалось связать его с центром железной дорогой. Появление линии до Ростова и далее до Владикавказа должно было коренным образом изменить взаимоотношения России с Кавказом и предоставить «полный простор русскому элементу влиять на эту богатую страну, как в нравственном смысле, так и в коммерческом отношении... прикрепить Кавказский край и Закавказье к России навсегда прочными и неразрывными узами; тогда, быть может, не в дальнем будущем Кавказа не станет, а будет лишь продолжение южной России до азиатской ее границы» [24, 35]. Обосновываясь на новом месте, русские поселенцы с максимальной точностью воспроизводили весь свой жизненный уклад, переноса с собой свою Россию, свою «Святую Русь» [8, 36].

Важнейшим интеграционным ресурсом стал русский язык. Являясь отражением культуры, менталитета, национального характера русского народа, он стал той культурно-исторической средой, в которой могла осуществиться важнейшая из стратегических задач – аккультурация коренного населения Северного Кавказа с последующим превращением его в единый этнос, единую нацию. Владение русским языком позволяло представителям северокавказских народов включаться в различные сферы жизни модернизирующегося социума, получить образование и работу, продвигаться по служебной лестнице, заниматься предпринимательством, участвовать в тех или иных общественных процессах. Это рождало в северокавказской среде интерес к русскому языку и поиск возможностей ему обучиться. В полиэтничной среде северокавказского со-

циума в рамках единого российского государства русский язык выполнял консолидирующую функцию, выступив в качестве оптимального средства коммуникации и межэтнического общения, культурного и идеологического воздействия. Внедрение русского языка в повседневность коренного населения осуществлялось через деятельность православного миссионерства, развитие системы школьного образования, возникновение различных учреждений культуры. Наибольшие успехи христианизация имела в Осетии, что, в свою очередь, способствовало довольно быстрому приобщению существенной части осетин не только к собственно православию, но и к школьному образованию, получившего импульс развития именно в лоне христианского просветительства. Церковно-приходские школы, появлявшиеся по всей Осетии, не только внесли большой вклад в распространение христианства, но и «сделали русский язык и грамоту среди осетин Владикавказского округа родными» [25, 9]. Несмотря на то, что христианство «не прижилось» среди большей части автохтонных этносов Северного Кавказа, оно сыграло определяющую роль в развитии в регионе системы школьного образования, посредством которого идеологическое и культурное воздействие на подрастающее поколение горцев оказывалось на ценностно-ментальном уровне. Школы стали превращаться в самое могущественное орудие умиротворения и ассимиляции других народов, поскольку признавалось, что «покорение образованием есть глубокое и прочное покорение» [21, 7об.].

Распространение идей просвещения, формирование новых социально-культурных приоритетов способствовали зарождению северокавказской интеллигенции, которая в среде своих соплеменников стала проводником русской культуры, просветительских и реформаторских преобразований, идей о необходимости сближения и интеграции в единое российское государственное пространство. Веря в прогрессив-

ное влияние русской, а через нее и европейской культуры на коренные народы, горская интеллигенция призывала к становлению нового культурного формата, в рамках которого бы было воспринято все лучшее из русской культуры и в то же время сохранена национальная самобытность этносов, выступив посредником между «своим» и «русским миром».

Распространение идей просветительства, вовлечение в систему образования, с одной стороны, и ощутимые изменения модернизирующегося общества – с другой, создавали благоприятную почву для стабильно растущих интеллектуальных потребностей народных масс. Во второй половине XIX в. сформировалась необходимость в открытии библиотек: «часть общества жадно искала книги, в ней была громадная потребность развиваться, само совершенствоваться» [26, 2]. Осетия одна из первых на Северном Кавказе предприняла шаги в этом отношении – в 1862 г. появилась библиотека при Владикавказском благородном собрании, в 1874 г. мещанин Н. Прохоров открыл библиотеку и кабинет для чтения, в 1878 г. открылись различные библиотеки в Моздоке. В 1895 г. благодаря длительным хлопотам инициативной группы под руководством педагога и мецената В. Г. Шредерс во Владикавказе начала функционировать общественная библиотека. Затем деятельность по развитию библиотечного дела начала вестись и по всему региону.

Большие надежды, связанные с распространением русского культурного влияния, возлагались на появление на Северном Кавказе музеев, выполняющих функцию приобщения к истории государства и культурному многообразию России. В 1879 г. был создан Кубанский этнографический и естественно-исторический музей Кубанского казачьего войска; в 1900 г. во Владикавказе был открыт Апшеронский музей, призванный увековечить память Апшеронского полка; в 1904 г. для широкой публики распахнул двери краеведческий му-

зей в Ставрополе; в 1907 г. во Владикавказе состоялось открытие Терского областного музея.

Важное значение в деле «обрусения» Северного Кавказа придавалось театру, в котором русская речь являлась «вернейшим средством к скорейшему ассимилированию инородцев с господствующей расою» [27, 3], «обрусения края и приобщения к русской культуре некогда враждебных горских племен» [28, 1]. В 1845 г. первый русский театр появился в Ставрополе, а в апреле 1871 г. премьерой спектакля «Маскарад» открылся русский театр во Владикавказе.

В истории России вторая половина XIX – начало XX в. ознаменовалась сменой стратегических концепций в деле освоения империей территории Северного Кавказа с проживающими на ней народами. В имперском сознании стала формироваться необходимость «цивилизаторского» воздействия и применения мирных технологий утверждения российского присутствия в регионе. Эффективным инструментом интеграционной политики российского государства выступила русификация северокавказских «туземцев», целью которой была их дальнейшая ассимиляция и «огосударствление». Это было возможно только при условии сохранения национальных свобод коренных народов, поскольку «невозможно без крайнего вмешательства приказать изменить жизнь, выработанную веками, не приготовив людей к восприимчивости желаемых изменений» [29, 100].

Одним из стратегических шагов по «замирению» края стало его заселение частью казачества и жителей внутренних губерний России. Русскоязычное население рассматривалось как важнейший фактор «обрусения» и колонизации Кавказа: «...эти

переселенцы из внутренней России, которые, продвигаясь смело за войсками, основали под шумом оружия города и селения на местах, очищенных от коренных жителей – разве все эти элементы не заключают в себе тех качеств, которым обязаны своим возникновением и блестящим развитием колонии западной Европы?» [30, 3] Переселенческий процесс был направлен на увеличение численности русского населения с целью его последующего доминирования над населением автохтонным.

Русский язык, обладающий в сложившихся обстоятельствах мощным интеграционным ресурсом, выступил некой культурно-исторической средой, в границах которой могла реализовываться важнейшая стратегическая задача аккультурации полиэтничного северокавказского населения и его встраивания в единое российское государство.

Существенную роль в процессе русификации Северного Кавказа выполнили различные образовательные учреждения и учреждения культуры, которые транслировали государственную идеологию и пропагандировали принципы государственного единства, гражданственности, духовно-нравственной связи между поколениями, воспитывали чувство сопричастности к судьбе российского государства.

Русификация повлекла за собой кардинальные перемены в культурном, социально-политическом и экономическом развитии Северного Кавказа, дала мощный цивилизационный импульс, отразившийся на всех сферах жизнедеятельности северокавказских народов и способствующий их успешному интегрированию в полиэтничный и поликонфессиональный социум Российской империи.

1. Смирнов И. Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический вестник: историко-литературный журнал. 1892. Т. 47. № 3. С. 752-65.
2. Тихомиров Л. А. Русское дело и обрусение // Русское обозрение. 1895. № 4. С. 930-934.
3. Максимчик А. Н. Изучение истории российско-северокавказских взаимоотношений в период Кавказской войны // Кавказская война: события, факты, уроки: материалы Международной научной конференции (15-19 октября 2014 г., Нальчик). Нальчик, 2014. С. 80-103.
4. Кобахидзе Е. И. Переселенческая политика России на Северном Кавказе как средство упрочения русской культуры и гражданственности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 2. С. 45-57.
5. Кобахидзе Е. И. Ресурсы позднеимперской «русификации» на Северном Кавказе // Российская история. 2016. №3. С. 74-82.
6. Фадеев А. В. Из истории колонизации Предкавказья в дореформенный период (1785-1861 гг.) // Доклады и сообщения института истории/Отв. ред. Л. С. Гапоненко. М., 1956. Вып. 9. С. 167-178.
7. Акты Кавказской археологической комиссии. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 354-359.
8. Сопов А. В., Бузаров А. Ш. Место и роль казачества в общероссийских культурно-этнических процессах // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 1 (74). С. 33-40.
9. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
10. Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма вширь. М., 1981.
11. Долгушин А. А. О переселении в Терскую область из внутренних губерний // Приложение к Терскому календарю на 1907 г. Владикавказ, 1907.
12. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1865. Собрание 2-е. Т. XXVII. Ч. 1. 1862. № 37827-38621.
13. Авраменко А. М. Кубань и Кавказское Причерноморье как историко-географические регионы (конец XVIII – начало XX в.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 12. С. 239-252.
14. Исмаил-Заде Д. Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1977. Т. 99. С. 322-339.
15. Переселение крестьян Харьковской губернии. Харьков, 1908. Вып. 1.
16. Кривенко В. С. Очерки о Кавказе. СПб., 1893.
17. Канукова З. В., Федосова Е. В. Этнокультурное пространство Северной Осетии. Владикавказ, 2011.
18. Дружинин Н. М. Государственная крестьянская реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2.
19. Канукова З. В. Русское население в этнической структуре Северной Осетии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Роль России в истории Осетии: сборник научных трудов/Под ред. В. В. Дегоева. Орджоникидзе, 1989. С. 123-139.
20. Семенов Л. П., Тедтоев А. А., Кусов Г. И. Орджоникидзе – Владикавказ: Очерки истории города. Орджоникидзе, 1972.
21. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 49 (Фонд А. А. Гассиева) Оп. 1. Д. 29.
22. Гассиев А. А. Социально-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе. Владикавказ, 1909.

23. Терский календарь на 1896 год. Владикавказ, 1895. Вып. V.
24. Наша железнодорожная политика по документам архива комитета министров. Исторический очерк/Сост. Н. А. Кислинский. СПб., 1902. Т. 2.
25. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 147. Оп. 1. Д. 131.
26. Терские ведомости. 1903. № 37. С. 2.
27. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 908.
28. НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 21. П. 11.
29. *Крестьянская реформа в Кабарде: Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году*/Под ред. Г. А. Кокиева. Нальчик, 1947.
30. Терские ведомости. 1868. № 1. С. 3.

Dzalaeva, Kamila R. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; abisaltik@mail.ru

RUSSIFICATION OF THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF THE INTEGRATIVE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XXth CENTURY.

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, integration policy, russification, colonization, Russian language, cultural institutions.

The article considers the problem of Russification of the North Caucasian peoples in the process of their integration into the Russian state in the second half of the XIX – early XXth centuries. In the centre of attention is the integration policy of the Russian Empire aimed at the formation of a single socio-cultural, economic, political all-Russian national identity and the assertion of Russian statehood in the North Caucasus region. The study of several works of different authors enables to make a brief analysis of the notion of «Russification», identify the main factors, vectors and effectiveness of Russification conducted by the authorities. It is determined that the most important mechanism on the way of Russification of the North Caucasian highlanders was colonization, which the Russian Empire regarded as the most effective way to assert its presence in the region. The process of settlement of the North Caucasian territory by Cossacks and immigrants from the inner provinces of Russia was not only a condition, but also an important factor in the Russification of the region. The state was regulating the influx of the «Russian element» into the North Caucasus and had high expectations of the russifying influence of the settlers, who could have a cultural and ideological impact on the local population. It was assumed that the peoples of the North Caucasus interacting with Russian settlers will be able to see for themselves some practical benefit of such cooperation and will be interested in «Russian culture» and «Russian model» of centralized social organization. It is established that the Russian language, educational and cultural institutions, forming a kind of cultural and historical environment favorable for acculturation of the North Caucasian population, contained a powerful potential. The study concluded that the integration policy of the Russian Empire, based on the idea of Russification, contributed to a powerful civilizational impulse in the development of economic, socio-political and cultural spheres of life of the North Caucasian peoples and accelerated their successful integration into the multi-ethnic Russian society.

REFERENCES

1. Smirnov, I. N. *Obruseniye inorodtsev i zadachi obrusitel'noy politiki* [Russification of foreigners and the tasks of the Russification policy]. *Istoricheskiy vestnik: istoriko-literaturnyy zhurnal* [Historical Bulletin: historical and literary journal]. 1892, vol. 47, no. 3, pp. 752-65.
2. Tikhomirov, L. A. *Russkoye delo i obruseniye* [Russian deed and Russification]. *Russkoye obozreniye* [Russian Review]. 1895, no. 4, pp. 930-934.

3. Maksimchik, A.N. *Izucheniye istorii rossiysko-severokavkazskikh vzaimootnosheniy v period Kavkazskoy voyny* [Studying the history of Russian-North Caucasian relations during the Caucasian War]. *Kavkazskaya voyna: sobytiya, fakty, uroki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (15-19 oktyabrya 2014 g., Nalchik)* [Caucasian War: events, facts, lessons: materials of the International Scientific Conference (October 15-19, 2014, Nalchik)]. Nalchik, 2014, pp. 80-103.
4. Kobakhidze, E.I. *Pereselencheskaya politika Rossii na Severnom Kavkaze kak sredstvo uprocheniya russkoy kul'tury i grazhdanstvennosti* [Resettlement policy of Russia in the North Caucasus as a means of strengthening Russian culture and citizenship]. *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'* [Orient. Afro-Asian societies: history and modernity]. 2016, no. 2, pp. 45-57.
5. Kobakhidze, E.I. *Resursy pozdneimperskoy «Rusifikatsii» na Severnom Kavkaze* [Resources of late-imperial «Russification» in the North Caucasus]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2016, no. 3, pp. 74-82.
6. Fadeyev, A. V. *Iz istorii kolonizatsii Predkavkaz'ya v doreformennyy period (1785-1861 gg.)* [From the history of the colonization of Ciscaucasia in the pre-reform period (1785–1861)]. *Doklady i soobshcheniya instituta istorii* [Reports of the Institute of History. Ed. L. S. Gaponenko]. Moscow, 1956, iss. 9, pp. 167-178.
7. *Akty Kavkazskoy arkheologicheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archaeological Commission]. Tiflis, 1878, vol. VII, pp. 354-359.
8. Sopov, A. V., Buzarov, A. Sh. *Mesto i rol' kazachestva v obshcherossiyskikh kul'turno-etnicheskikh protsessakh* [The place and role of the Cossacks in the all-Russian cultural and ethnic processes]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adyghe State University]. 2011, no. 1 (74), pp. 33-40.
9. Kaufman, A. A. *Pereseleniye i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestvava «Obshchestvennaya Pol'za», 1905. 81 p.
10. Kupriyanova, L. V. *Goroda Severnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XIX veka: K probleme razvitiya kapitalizma vshir'* [Cities of the North Caucasus in the second half of the 19th century: Towards the problem of the development of capitalism in breadth]. Moscow, Nauka, 1981. 232 p.
11. Dolgushin, A. A. *O pereselenii v Terskuyu oblast' iz vnutrennikh guberniy* [On the resettlement to the Terek region from the inner provinces]. *Prilozheniye k Terskomu kalendaryu na 1907 g.* [Appendix to the Terek calendar for 1907]. Vladikavkaz, Terskiy oblastnoy statisticheskiy komitet, 1907. 73 p.
12. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya sobstvennoy E. I. V. kantselyarii, 1865, 2nd collection, vol. XXVII, part 1, no. 37827-38621.
13. Avramenko, A.M. *Kuban' i Kavkazskoye Prichernomor'ye kak istoriko-geograficheskiye regiony (konets XVIII – nachalo XX v.)* [Kuban and the Caucasian Black Sea region as historical and geographical regions (late XVIII – early XX centuries)]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the History Department of St. Petersburg University]. 2013, no. 12, pp. 239-252.
14. Ismail-Zade, D. *Iz istorii pereseleniya rossiyskogo krest'yanstva na Kavkaz v kontse XIX – nachale XX v.* [From the history of the resettlement of the Russian peasantry to the Caucasus in the late XIX – early XX centuries]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes]. 1977, vol. 99, pp. 322-339.
15. *Pereseleniye krest'yan Khar'kovskoy gubernii* [Resettlement of peasants of the Kharkov province]. Kharkov, Izd. Khar'kovskoy gubernskoy zemskoy upravy, 1908, iss. 1. 160 p.
16. Krivenko, V.S. *Ocherki o Kavkaze* [Essays on the Caucasus]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina, 1893. 248 p.

17. Kanukova, Z. V., Fedosova, E. V. *Etnokul'turnoye prostranstvo Severnoy Osetii* [Ethnocultural space of North Ossetia]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2011. 296 p.

18. Druzhinin, N. M. *Gosudarstvennaya krest'yanskaya reforma P. D. Kiseleva* [P. D. Kiselev's State Peasant Reform]. Moscow, the USSR Academy of Sciences, 1958, vol. 2. 617 p.

19. Kanukova, Z. V. *Russkoye naseleniye v etnicheskoy strukture Severnoy Osetii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [The Russian population in the ethnic structure of North Ossetia (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Rol' Rossii v istorii Osetii: sbornik nauchnykh trudov* [The role of Russia in the history of Ossetia: a collection of scientific papers. Ed. V. Degoev]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1989, pp 123-139.

20. Semenov, L. P., Tedtoev, A. A., Kusov, G. I. *Ordzhonikidze – Vladikavkaz: Ocherki istorii goroda* [Ordzhonikidze – Vladikavkaz: Essays on the history of the city]. Ordzhonikidze, Ir, 1972. 157 p.

21. *Nauchnyy arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy (NA SOIGSI)* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 49 (A. Gassiev Fund). Inventory 1. Case 29.

22. Gassiev, A. A. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie tuzemtsev i kazakov na Severnom Kavkaze* [Socio-economic situation of the indigenous population and Cossacks in the North Caucasus]. Vladikavkaz, Elektropechatnya P. K. Grigor'yeva, 1909. 17 p.

23. *Terskiy kalendar' na 1896 god* [Terek calendar for 1896]. Vladikavkaz, Tip. Terskogo obl. pravleniya, 1895, iss. V. 427 p.

24. Kislinsky, N. A. (comp.). *Nasha zheleznodorozhnaya politika po dokumentam arkhiva komiteta ministrov. Istoricheskiy ocherk* [Our railway policy according to the documents of the archive of the committee of ministers. Historical essay]. St. Petersburg, 1902, vol. 2. 325 p.

25. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (TsGA RSO-A)* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (CSA RNO-A)]. Fund 147. Inventory 1. Case 131.

26. *Terskiye vedomosti* [Terek statements]. 1903, no. 37, p. 2.

27. TsGA RSO-A [CSA RNO-A]. Fund 12. Inventory 6. Case 908.

28. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund of Art. Inventory 1. Case 21. File 11.

29. Kokiev, G. A. (ed.). *Krest'yanskaya reforma v Kabarde: Dokumenty po istorii osvobozhdeniya zavisimyykh sosloviy v Kabarde v 1867 godu* [Peasant reform in Kabarda: Documents on the history of the liberation of the dependent estates in Kabarda in 1867]. Nalchik, Kabgosizdat, 1947. 272 p.

30. *Terskiye vedomosti* [Terek statements]. 1868, no. 1, p. 3.